

Обоснование символической деятельности через способность к иллюзии

А. А. БАЙКОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье исследуется символическая деятельность человека как производная от его способности к созданию и восприятию иллюзии, рассматривается возможность перехода в определении человека от «животного символического» к «животному иллюзорному».

Ключевые слова: символ, иллюзия, символическая деятельность, денотат, коннотат, означаемое, метаморфема, интерпретация, знак.

Среди попыток выразить сущность человека через сведение ее к одной основополагающей черте особого внимания заслуживает определение человека как «символического животного», данное Э. Кассирером (Кассирер, 1998: 472). Другие феномены человеческого бытия рассматриваются как производные от способности к созданию символов: разумность человека является символической разумностью, противопоставленной практическому разуму животного (там же: 479); язык, искусство, религия и наука объявляются символическими формами культуры. Сама символическая деятельность не должна сводиться к другим проявлениям человека, чтобы сохранять положение основания его сущности. В данной статье будет рассмотрена возможность выведения способности к символической деятельности из способности к иллюзии, что смещает внимание с «животного символического» на «животное ил-

люзорное» и утверждает иллюзию в качестве основополагающей черты человеческого бытия.

Необходимо уточнить понимание символа в данном исследовании. Оно близко к пониманию Кассирера, так как избегает двух крайностей: определения символа как конвенционального знака и как знака высшей реальности. Символ обращается к феноменальному миру, однако не только отсылает к означаемому, но открывает человеку «мир значений» (там же: 477). Близко здесь определение А. Л. Доброхотова: «знак, предметное значение которого обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака» (Доброхотов, 2010: 532).

Рассмотрим проявления иллюзорного характера символической деятельности в отдельных аспектах бытия символа.

Двойственная структура символа. Символ рассматривается как диалектическое единст-

во двух элементов: образа и значения или морфемы и метаморфемы (Свасьян, 2010: 104). Эти две системы несколько различаются: под образом подразумевается физическое воплощение символа, значением является отсылка к означаемому вместе со всей бездной смыслов и интерпретаций; данным способом может быть описан любой знак. Система морфема-метаморфема описывает именно символ: морфема шире образа, так как включает в себя, помимо внешней формы, способ отношения к означаемому и отсылку к нему, что позволяет описать простой сигнал как знак, состоящий только из морфемы. Метаморфему можно условно определить как поле интерпретаций, как идеи, стоящие за символом. Метаморфема также близка смыслу — в том виде, в котором его отделил от значения Г. Фреге (Фреге, 2000: 231). Хотя единство морфемы и метаморфемы неразрывно в символе, объединяя эти системы, можно представить следующую модель формирования символа: существующему образу придается значение, что формирует морфему и создает знак, а метаморфема, создаваемая для знака, делает его символом.

Хотя устоявшийся в культуре символ входит в объективную реальность, процесс его возникновения субъективен, а процесс утверждения в реальности культуры — конвенционален. Однако вливание субъективного содержания в существующий образ или существующую мысль — признак иллюзии, понимаемой как искаженное восприятие и мышление действительности. Механизм образования иллюзии в этом схож с механизмом образования символа: иллюзия имеет двойственную структуру; состоит из основания (сопоставимого с образом) и искажения (сопоставимого с приданием значения). И иллюзия, и символ представляют мышление содержания, объективно отсутствующего в данных мыслях или образах.

Природа означаемого. Другой выход символа на иллюзию обнаруживается в сущности означаемого. Означаемое — предмет, на который указывает знак или символ. Естественный ход мышления стремится к поиску означаемого в чувственно-воспринимаемом мире, од-

нако это не верно. Ф. Соссюр указывает, что означаемое — это понятие, а не вещь; оно находится только в реальности мысли (Соссюр, 1977: 100). Смысл и значение Фреге разводятся как понятие и вещь: символ в данном случае формируется смыслом. В случаях более простых форм знака, таких как сигнал, означаемое может сводиться к однозначному пониманию, но в символе оно неизбежно должно быть подвергнуто интерпретации. Таким образом, еще до полноценных коннотативных ассоциаций индивидуальное сознание придает символу новые смыслы, искажая представление о денотате. Означаемое оказывается субъективно, а значит, подвержено всем смещениям понимания конкретного субъекта интерпретации, в том числе и иллюзии. Кроме того, субъективность символа ослабляет его возможность выступать способом познания объективного.

Отношение к реальности. Проводя параллели между символической деятельностью и созданием иллюзий, необходимо обратиться к связям символа с реальностью. К. А. Свасьян частично приравнял взаимодействие формы и содержания к взаимодействию символа и реальности, а также указал четыре отношения между символом и реальностью: отражение, выражение, одновременное тождество и различие, несводимость (Свасьян, 2010: 135). Проблема в том, что на соотношение формы и содержания можно посмотреть с двух позиций. Либо утвердить реальность образа, а содержание рассматривать как его духовное наполнение; либо рассматривать прежде всего реальность денотата: в таком случае собственное бытие образа отходит на задний план. Получается, что в символе содержится двойная реальность, но тем самым и двойная иллюзия: форма иллюзорна, так как объект расценивается уже не как таковой, а как символ, а содержание иллюзорно, так как в символе денотат подменен означаемым, преграждающим путь к объективности денотата. Четыре отношения указывают, что символ отличен от реальности, но связан с ней, однако именно так работает иллюзия: она отражает реальность, хотя и искаженно, она больше, чем реальность, тождественна в ис-

ходных основаниях, но различна в конечном образе. Иллюзия не выражает реальность, если под выражением понимать отсылку к объективности: иллюзия отсылает или к другому (относительно ожидаемого) или к несуществующему объекту. Но в этом смысле и символ выражает не реальность, а нечто отличное от нее.

Кроме того, если признать идею Кассирера, согласно которой символы — единственная связь с реальностью, то мы попадаем в берклианскую ловушку; только в обосновании существования «быть воспринимаемым» заменяется на «быть выраженным в символах». Если известны лишь символы, нет никаких оснований считать, что за ними стоит какая-то реальность или что эта реальность такова, как мы о ней думаем.

Коннотативный уровень символа. Выше символ рассматривался только на денотативном уровне, включающем денотат и первичное, буквальное осмысление означаемого. Но символ также имеет коннотативный уровень: дополнительные смыслы и значимые ассоциации, которые существуют прежде всего в культуре, но могут иметь особенности для групп или индивидов. Проблема коннотата в том, что он не просто не соответствует реальному предмету в том же смысле, в котором следует различать означаемое и денотат. Коннотат содержит то, на что в денотате может и не быть указаний. Например, животные, ассоциируемые с человеческими характерами (заяц, лиса, осел), этими характерами не обладают (хотя что-то в их поведении и может вызвать такую ассоциацию, ясно, что такое поведение — следствие инстинкта, а не характера). Коннотация окончательно разрывает символ и реальность: иллюзорность проявлена в символе не столько в том, что ему, означаемому, приписываются ассоциативные свойства означаемого, сколько в приписывании коннотации самому денотату. Коннотация иллюзорна по своему характеру, но иногда порождает еще большие иллюзии, когда люди начинают видеть связь коннотата и денотата, которой нет (когда зайца действительно считают трусливым, а лису хитрой). Еще глубже мы погружаемся в иллюзорное, если принимаем и тре-

тий уровень отношения символа и референта: мифологический. В конечном счете символ через совокупность коннотаций отсылает к некоторому сложившемуся мифу, однако иллюзорность мифа — предмет отдельного рассмотрения.

Бесконечность интерпретации знака. В вводимом выше определении указано, что значение символа раскрывается в бесконечной интерпретации самого знака. Данное указание содержит сразу два важных смысла: бесконечность интерпретации и отношение интерпретации к знаку, к единству означаемого и означающего, а не к самому денотату. Второе вновь уводит от объективности: интерпретация, лежащая в основе знака, не является интерпретацией действительности. Объективная реальность основана на наличии действительного объекта и попыток его истолковать и познать. Здесь же толкование относится к иной, существующей только в сознании реальности. Толкование иллюзий порождает иллюзии. Следует подчеркнуть, что в обыденной жизни человек не задумывается над различием означаемого и денотата и относится к содержанию знака как к отсылке к реальному объекту; следовательно, когда человек формирует свою реальность через ее истолкование, он обращается не к тому основанию. Бесконечность интерпретации указывает на неустойчивость, постоянное изменение и расширение смысла символа: формируется множество реальностей, которые не могут быть истинными одновременно. Интерпретация символа оказывается созданием новой реальности вместо открытия существующей.

Теперь, рассмотрев отдельные аспекты символа с точки зрения их отношения к иллюзии, мы можем непосредственно провести поиск в символической деятельности признаков иллюзии (Байков, 2012: 125). *Обоснованность* и *несоответствие основанию* выражаются в наличии денотата как реального основания и несоответствующих ему значений, коннотаций и интерпретаций, которые возникают в символе, либо основанием оказывается означаемое, а искажение кроется в придании ему содержания. Содержание символа обладает *правдоподобностью* и заставляет пере-

носить его свойства на реальный объект (денотат). Символ не сводится к своей материальной составляющей либо к денотату, символ *идеален*. Кроме того, интерпретативная сущность символа указывает на его *феноменальность*, не допуская существования символа-в-себе. Коннотативный уровень символа утверждает его *субъективность*: прежде по отношению к коллективному субъекту, но и индивид тоже задает коннотации. Символ *конструктивен*: он содержит в себе новую реальность. В наличии коннотаций, зачастую носящих эмоциональный характер, символ *значим*. Символической деятельности также свойственна *практикоориентированность*: символы побуждают к действию и заставляют регулировать свою практику относительно себя, а не своего денотата. Таким образом, символическая деятельность отвечает всем признакам иллюзии.

Тогда символ — иллюзия, имеющая лишь опосредованное отношение к действительности. Возможно, А. Бергсон прав, утверждая, что символ — «пыль», препятствующая познанию вещей-в-себе, что символизм не дает созерцания своего предмета (Бергсон, 1999: 12). Однако было бы поспешным стремиться избавиться от этой «пыли», так как прав и Э. Кассирер, видящий в символической деятельности единственный путь познания, опосредующий доступ к реальности (Кассирер, 1998: 471). Вновь, как и в случае с априорными формами И. Канта, иллюзия и познание имеют корни в одном источнике и неотрывны друг от друга, подобно тому, как адвайтистская майя, условие всякого заблуждения, объявляется «переправой» к высшей реальности (Игнатъев, 2006: 28).

Проведенное исследование указывает на иллюзорный характер символической деятельности человека. Символ не имеет связи с объективностью, но принимается за способ ее познания, образуется тем же способом, что и иллюзия, и полностью соответствует ее признакам. В защиту символа можно предположить, что это — взаимообусловленная связь, объяснимая не только иллюзорностью символа, но и символическостью иллюзии. Однако даже если постулирование иллюзии в качестве основополагающей черты человеческо-

го бытия не опровергает сущность человека как «символического животного», оно не менее обоснованно утверждает «животное иллюзорное».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байков, А. А. (2012) Основные признаки иллюзии восприятия и представления // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 144. С. 117–125.

Бергсон, А. (1999) Творческая эволюция // Творческая эволюция. Материя и память. Минск : Харвест. С. 8–413.

Доброхотов, А. А. (2010) Символ // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль. Т. 3. С. 532–534.

Игнатъев, А. А. (2006) Калика-пурана. Калининград : Изд-во Санатана Дхарма.

Кассирер, Э. (1998) Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М. : Гардарики. С. 440–709.

Свасьян, К. А. (2010) Проблема символа в современной философии (критика и анализ). М. : Академический Проект ; Альма Матер.

Соссюр, Ф. (1977) Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М. : Прогресс. С. 35–269.

Фреге, Г. (2000) О смысле и значении // Логика и логическая семантика : сб. трудов. М. : Аспект Пресс. С. 230–246.

Дата поступления: 15.02.2013 г.

A SUBSTANTIATION OF SYMBOLIC ACTIVITY THROUGH THE CAPABILITY IN ILLUSION

A. A. Baykov

(Moscow University for the Humanities)

The article examines human symbolic activity as the outcome of his/her capability to create and perceive an illusion. The author covers the possibility of transition from «symbolic animal» to «illusory animal» in the definition of human being.

Keywords: symbol, illusion, symbolic activity, denotatum, connotatum, significatum, metamorpheme, interpretation, sign.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Baikov, A. A. (2012) Osnovnye priznaki illiuzii vospriiatiia i predstavleniia // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. № 144. S. 117–125.

Bergson, A. (1999) Tvorcheskaia evoliutsiia // Tvorcheskaia evoliutsiia. Materiia i pamiat'. Minsk : Kharvest. S. 8–413.

Dobrokhotov, A. L. (2010) Simvol // Novaia filosofskaia entsiklopediia : v 4 t. M. : Mysl'. T. 3. S. 532–534.

Ignat'ev, A. A. (2006) Kalika-purana. Kalinin-grad : Izd-vo Sanatana Dharma.

Kassirer, E. (1998) Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiiu chelovecheskoi kul'tury // Izbrannoe. Opyt o cheloveke. M. : Gardariki. S. 440–709.

Svas'ian, K. A. (2010) Problema simvola v sovremennoi filosofii (kritika i analiz). M. : Akademicheskii Proekt ; Al'ma Mater.

Sossiur, F. (1977) Kurs obshchei lingvistiki // Trudy po iazykoznaniiu. M. : Progress. S. 35–269.

Frege, G. (2000) O smysle i znachenii // Logika i logicheskaia semantika : sb. trudov. M. : Aspekt Press. S. 230–246.